

dialogue” 10-11 июня 2008г. в Баку, Азербайджан/Электронный ресурс. URL:
http://www.isras.ru/blog_gurko1.html (Дата последнего обращения 04.03.2015)

УДК 316.455

**ПРАКТИКИ КСЕНОФОБИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К
МИГРАНТАМ**

Вандышев Михаил Николаевич,
канд.социол.наук, доцент кафедры
теории и истории социологии ИСПН УрФУ,
m.n.vandyshev@urfu.ru

XENOPHOBIC PRACTICES AGAINST MIGRANTS

Vandyshev Mikhail
Candidate of Sociology, Associate Professor of the Chair of Theory and
History of Sociology, Institute of Social and Political Sciences,
Ural Federal University

АННОТАЦИЯ

В статье описываются практики взаимодействия между представителями разных диаспор, проживающих на территории Свердловской области с принимающим сообществом и возникающие эффекты этого взаимодействия. Одним из таких взаимодействий является ксенофобия со стороны принимающего сообщества. Оценки уровня ксенофобии представлены исходя из мнений представителей диаспор. Исследование проводилось на территории Свердловской области в 2014 году.

ABSTRACT

This article describes the practice of interaction between members of different diasporas with the host community and the resulting effects of this interaction. One of these interactions is the xenophobia of the host community. Assess the level of xenophobia are presented on the basis of the views of diasporas. The study was conducted in the Sverdlovsk region in 2014.

Ключевые слова: ксенофобия, инонациональные мигранты, диаспора, принимающее сообщество, социальная напряженность

Key words: xenophobia, migrants, the Diaspora, the host community, social tensions

В отношениях между инонациональными, иноэтничными мигрантами и принимающим сообществом открытые элементы ксенофобских настроений практически отсутствуют, хотя эти отношения нельзя назвать симметричными и равноправными. На бытовом уровне проявления ксенофобии преимущественно скрыты, ее более правильно было бы обозначить как «опривыченную напряженность», в актуализации которой, по словам информантам, не заинтересованы ни местное сообщество, ни диаспоры.

Национальные и этнические различия между местным населением и приезжими способны порождать некоторое непонимание, а в некоторых случаях, страхи, противоречия и конфликты. В общем смысле, эти феномены определяются через понятие ксенофобии. Это слово происходит от греческого «страх перед чужим, чуждым». В первоначальном смысле это слово обозначало навязчивый страх перед чем-то незнакомым или кем-то незнакомым. Затем, в социологии и этнографии это понятие было разработано глубже и в настоящее время под ксенофобией понимается, прежде всего, недоверие, враждебность и даже презрение по отношению к иным этническим или расовым общностям. Ксенофобию можно рассматривать как культурную характеристику, характеризующую доминирующие отношения к представителям иных этнических или расовых групп. В нашем случае, речь идет об отношениях, складывающихся между представителями разных диаспор, в силу разных причин оказавшихся на территории современной Свердловской области.

Для исследования указанного социально-культурного феномена при поддержке Правительства Свердловской области было проведено

исследования среди представителей разных диаспор, проживающих на территории области.

Сразу стоит отметить, что опыт бытовых отношений между людьми очень часто определяется возрастом человека, зачастую оказывается так, что ксенофобские отношения между молодыми людьми несколько более выражены чем между людьми более старшего возраста. В нашем исследовании мы выделили в некотором смысле закономерность – чем больше опыт совместного проживания в поселении у иноэтничных / инонациональных мигрантов, тем выше уровень толерантности в отношениях. По всей видимости имеет место эффект привыкания к различиям. Причем этот процесс характерен как для одной, так и для другой стороны:

«Я уже как... уже привычка. У меня нет внимания посмотреть других. Ну, конечно, на улице очень много русских, смотрят на нас. Ну, это уже не важно. Как сказать. Очень много русских считает, что я – японцы. Я - кореец, я – монголец. Только один раз они считали, что я – китаец, тогда в Североуральске» (представитель китайской диаспоры, муж., 23 года).

Для мигрантов, длительное время проживающих на территории Российской Федерации вопрос бытовой ксенофобии фактически отсутствует, а практики дискриминации со стороны местного населения декриминализируются. По сути, речь идет о том, что мигранты не обращают внимания на подобное поведение со стороны представителей принимающего сообщества или не принимают его на свой счет:

«... Я уже привык ко всему, так что никакого непонимания нету как такового. Уже все-таки большое количество времени проживания в РФ - привык» (представитель армянской диаспоры, муж., 24 года).

Для мигрантов, проживающих на территории РФ длительное время, владеющих русским языком и в принципе хорошо адаптированным, статус мигранта не проблематизируется и не выставляется на первый план в отношениях с принимающим сообществом:

«Я сейчас от них то не отличаюсь, поэтому сейчас-то все отлично, а тогда я просто особо и не контактировал. Все думают, что мы мусульмане, при том, что они не знают, что мы веру христианскую приняли задолго до русских на 800 лет почти раньше, вот, вот в этом непонимание есть. Я сам то особо не верующий, то есть, но я знаю, что именно за это» (представитель армянской диаспоры, муж., 25 лет).

С проявлениями бытовой ксенофобии не сталкиваются те мигранты, которые предпочитают минимизировать свои контакты с представителями принимающего сообщества. Так, например, мигрантка из Армении на вопрос о том, как складываются отношения с местными жителями сказала, что *«никак, общаюсь только с родственниками»* (представитель армянской диаспоры, жен., 59 лет).

Информанты, проживающие в стране длительное время отмечают, что отношение местного населения к мигрантам, иностранцам, в целом за последнее десятилетие улучшилось. Вот как, например, рассказывает о том, что было более 10 лет назад выходец из Киргизии:

«... вот была история. Вышел на улицу, это когда я 11 класс закончил, поступил, сюда приехал, ночью вышел, в 11 часов вечера, за водой... летом решил попить (смеется)... меня как бы двое мужчин остановили и говорят: пиво купи. Я же не похож на Деда Мороза, говорю (смеется). Надо заработать, а потом как бы пить. С воздуха что... У меня тем более денег нет. И они начали, короче, это... чуть побили... пришлось от них убежать (смеется). Выбили передние зубы мне ... В это время как раз УАЗик проезжал милицейский. Остановился. Как бы всю ситуацию рассказали, и нас забрали в участок, то есть там все это описали. Они говорят: «Будешь заявление писать?» А я не знал, что у меня зубы выбиты, я даже не почувствовал. Я это узнал, только когда домой пришел, что у меня зубы выбиты. Только начал заявление писать, и эти двое приходят и говорят, что не надо заявление писать. Поэтому я не стал заявление писать. Они мне паспорт отдали, 300 рублей, которые забрали у меня. Все, потом я ушел, их

оставили. Я точно не знаю, что после этого с ними было» (представитель киргизской диаспоры, муж., 30 лет).

В целом, рассуждая об отношениях, возникающих между местным населением и представителями диаспор, выделились две позиции. Первая заключается в том, что информанты максимально доброжелательно описывают местное население, конкретных людей, складывающиеся отношения, максимально сглаживая при этом возможные острые углы.

При этом, подчеркиваются ситуации взаимодействия:

«Здесь у нас хорошие отношения с местными жителями... здесь, эээ... здесь свердловские жители, так сказать, эээ... гостеприимны. Когда мы еще не знаем дорогу, они всегда готовы показать, как найти нужно место, доехать» (представитель вьетнамской диаспоры, муж., 33 года);

«Да, русские очень гостеприимные. Тоже всегда хотят помогать. Если я не знаю, где находится эта улица. Я спрошу человека. Русские сразу помогают, расскажут, как пойти-пройти. Сразу сказать мне, это очень легче. Я напишу, как называется это место, и сразу они скажут мне, как идти. Всегда помогают» (представитель китайской диаспоры, муж., 25 лет).

Кроме замечательных способностей в навигации, мигранты подчеркивают и качества местного населения:

«Я думаю, что люди везде разные бывают, не только в России... Поэтому не удивительно, есть многие к нам очень хорошо относятся, не говорю о преподавателях, они просто прекрасные..., эээ, говорю о местных, особенно пожилые и старые, они вежливые и добрые очень, на улице спрашиваешь, отвечают, показывают, не понимаешь, объясняют до конца...

Эээ..., а есть другие, молодые, но их мало, не очень вежливые, наверное, у них стереотип об азиатских людях какой-то...

Интервьюер: *Как вы на них реагируете? Возникают ли с ними конфликты?*

Респондент: *Да.*

Интервьюер: *Можете привести пример?*

Респондент: *Эээ... пример... один раз кассирша «Монетки» произнесла... «пиз**» (нецензурное выражение), когда мы уже ушли, но я услышал.*

Не помню причину... но это не конфликт, это агрессия (смеется)»
(представитель вьетнамской диаспоры, муж., 26 лет).

Эта цитата сочетает в себе не только позитивные, но и негативные высказывания, однако этот негатив скорее не этнического или национального происхождения, с таким поведением обслуживающего персонала может встретиться и местное население.

Информанты отмечают также, что Екатеринбург для них стал почти родным городом, в котором не только показывают дорогу:

«Екатеринбург для нас как родина России. Я все знаю. Здесь не так много иностранцев. Большой город, но не так много жителей. Ну, на улицах, на метро, на автобусе вообще не трудно так. Это уже для меня жить здесь все удобно. У меня так много русских друзей. Да, это очень помогает»
(представитель китайской диаспоры, муж., 23 года).

Среди категорий местного населения, которые демонстрируют наибольшую лояльность и толерантность по отношению к мигрантам были выделены люди старшего возраста:

«Нет, русские добрые, доброжелательные, особенно люди пожилого поколения... ээ... так можно сказать, потому что в наше время молодые люди имеют другие взгляды и может быть...» (представитель вьетнамской диаспоры, муж., 22 года).

Вместе с тем, есть и вторая позиция. В ней фиксируется неоднозначность и разнообразие людей и складывающихся отношений:

«С местными жителями... вы знаете, местные жители по-разному реагируют: кому-то безразлично, кому-то есть, как сказать вам... Ну, недолюбливают нас. То, что мы понаехали там...» (представитель киргизской диаспоры, жен., 23 года);

«С соседями нормальные отношения, где мы живем. Если... Видите, это все зависит от самого человека. Если он адекватно себя ведет, не шумит, никому дискомфорт не предоставляет, не причиняет, то никаких проблем с соседями не будет. В дружных отношениях с соседями. Если там плов приготовили или че-нибудь, то угощаем соседей. Сидим на лавке вместе, общаемся, или в шахматы играем, или в нарды» (представитель таджикской диаспоры, муж., 21 год);

«Люди разные, да, но есть очень хорошие. По-моему есть две группы русских. Первая группа – они очень добрые и они хотят общаться с иностранцами, не только китайцами и азиатами, просто, если мы не говорим по-русски, тогда им очень интересно с нами. И это одна группа. И другая – они просто: а почему вы не говорите по-русски? Я говорю с мамой, как я буду по-русски? Это часто бывает, да.

Интервьюер: *А не было конфликтов, недоразумений, каких-то ситуаций, когда вы чувствовали себя некомфортно?*

Респондент: *Да, много*

Интервьюер: *Это бывает на улице, в общежитии или где?*

Респондент: *Да, на улице. И тоже в общежитии, у меня очень много плохой быть» (представитель китайской диаспоры, жен., 21 год).*

В ходе изучения интервью сложилось впечатление, что мигранты немного опасаются выходить в публичные пространства, поскольку чувствуют себя там неуверенно и в целом, опасаются реакции местного населения:

«Да, лучше я сейчас студент, магистрантка, лучше в общежитии. Тоже в Китае, если мы студенты, магистранты, то лучше жить в общежитии. И легче, вокруг тебя все – студенты, магистранты. А если на улицах в квартирах – мы не знаем, кто эти люди, да рабочие может быть» (представитель китайской диаспоры, жен., 25 лет).

Этому информанту вторят другие иностранцы:

«Эээ, например, когда я хочу купить что-то я должен рассматривать, рассмотреть очень аккуратно, тщательно. Они думают, что мы вообще воры, и вот обратили очень большое внимание на наши поступки. Это вот в супермаркете, там магазине видеонаблюдение. Конечно, когда я только приехал в Россию, я только... почему они так думают? Это обидно, честно сказать, так» (представитель вьетнамской диаспоры, муж., 33 года);

«Ну, вот, едем на работу, там русский сидит, там сидит. О, чурки, куда пошли? Туда-сюда. Если че-нибудь скажем, сейчас драка будет, милиция заберет тебя, ты виноват, потому что ты не русский. Никто не спрашивает что, кто виноват здесь, кто права, не спрашивают вообще... Ну, часто бывает. Вот, на Пышме который работает, в Пышме, на Балтыме, вот там тоже. В магазин сходишь, о чурки! Опять чурки, опять туда... так. Че скажешь им?» (представитель таджикской диаспоры, муж., 19 лет).

Эти цитаты характеризуют в целом ситуацию вынужденного бессилия, которое может шифроваться за маской правил поведения хорошего гостя, а может принимать образ смиренной рубашки. И в том и в другом случае наблюдается элемент вынужденности и некоторой натянутости отношений:

«... в коллективе, конечно, были изначально там какие-то, вот, эээ, пару людей (смеется), которые там. Все равно такие же люди есть и будут, в принципе, они нас наоборот стимулировали, что мы должны быть еще лучше, доказать, что мы как бы достойны этого вообще, этой работы, этой жизни, что мы не хуже их. И все время пришлось доказывать, что мы лучше их» (представитель киргизской диаспоры, жен., 37 лет);

«Все-таки мы с другом государстве, мы гости здесь, мы должны вести себя как гости. Как у себя дома мы же не может орать там, кричать, громко разговаривать или слушать музыку национальную и танцевать под нее. Никому это не понравится, даже если у нас такое было, кому это понравится. Кто это такие приехали, откуда, и сами себя показывают, это, нехорошо. Ведут себя. Поэтому если человек не будет

ругаться, будет себя достойно вести, и главное себя уважать, никаких проблем не будет. Ни с кем» (представитель таджикистанской диаспоры, муж., 22 года).

Некоторые информанты отмечают, что со стороны местного населения, особенно, со стороны детей и подростков, наблюдается негативное отношение, которое даже подкрепляется агрессивными действиями. В этой ситуации мигранты пытаются делать вид, что ничего не происходит, и не обращают на это внимание:

«... несовершеннолетние мальчики и девочки где-то лет по 12, 14, вот в таком возрасте, они сами приходят, например, камнями кидают, или что-то матерятся или это вот это самое. Но мы-то не обращаем никакого внимания, не придаем значения их действиям» (представитель таджикистанской диаспоры, муж., 22 года).

Таким образом, игнорирование негативного отношения со стороны местного сообщества становится едва ли не ведущей стратегией «борьбы» с ксенофобскими настроениями местного населения, более того эти настроения оправдываются самими мигрантами, инонациональными и иноэтничными представителями городских сообществ. Потенциально эти состояния могут аккумулироваться и иметь впоследствии какое-то разрешение, в том числе, в виде агрессии.

По мнению информантов, агрессивное отношение к мигрантам складывается, в том числе из-за позиции СМИ, способных педалировать тему этнических и национальных различий:

«Когда все нормально, по телевизору не говорят всякие страшилки... тем более люди, люди это, человек ведь привыкает. Мои соседи, вот, например... эээ, ничего не видят, то, что я там из другого региона приехал... ничего. То есть отношение между людьми складывается по мере общения» (представитель аварской диаспоры, муж., 41 год).

Одной из сфер, где наиболее выпукло проявляются ксенофобские отношения со стороны местного населения является поиск жилья. С этой

проблемой все без исключения приезжие, которым нужно покупать жилье, арендовать и пр.:

«Если через агентства искать, они сразу спрашивают, какой национальности. Если говоришь не русский, или какой-нибудь другой национальности, то проблемы сразу возникают» (представитель таджикистанской диаспоры, муж., 21 год).

В то же время, если искать через «своих», то риск столкновения с такими проблемами значительно сокращается.

Важной причиной, объясняющей, по мнению мигрантов, их право на нахождение на территории России, на нормальные отношения с местным населением, является общее прошлое в Советском Союзе. Особенно это характерно для выходцев из среднеазиатских республик:

«... я бывший гражданин Советского Союза. Я раньше до тысяча девяносто первого я каждый год был в России. Каждый год! В некоторый год был 2 раза. Меня один почек, всегда был в Украине, в Львове, в Трускавецке. В распад Советский Союзе я там был» (представитель таджикистанской диаспоры, муж., 54 года).

Узнавание и удивление в процессе взаимодействия характерно как для мигрантов, так и для представителей местного населения. Ксенофобские настроения, проистекающие из фиксации различий, обычно генерируются в среде принимающего сообщества. Тем более интересной выглядит позиция иноэтничных мигрантов:

«Если честно первое время удивляло, прически разный цвет волос, одежда, у нас есть разное, но это удивляло; меня смущало, что девушки ходят в прозрачной верхней одежда, короткие шорты, ягодичы видно, я думала, а не стыдно ли ей. Сейчас спокойно отношусь, одела и ладно. Я может, и одену шорты, но не такие короткие, это вульгарный вид, для меня это не привычно, ходят в коротком, но не настолько» (представитель узбекской диаспоры, жен., 24 года).

В том же духе рассуждает представительница цыганской диаспоры, которая не имеет опыта мигрантскости, но всегда выделялась на фоне местного населения:

«Есть кто не понимает почему мы носим длинные юбки, многие этот вопрос задают. Наши тут все знают, а кто приезжает: «вот зачем всё это? длинные юбки, другой век». Все равно, другие видят, у кого такие же законы, цыгана в смысле, говорят «...вот так ходят, вот так ходят», и чтобы этого не было, мы избегаем этого, избегаем таких ситуаций, да мне нравится, в принципе. Я тоже ношу джинсы, короткие юбки, ну до колена в смысле» (представитель цыганской диаспоры, жен., 20 лет).

В ходе исследования были выявлены примеры деления городского пространства на районы, в которых по-разному проявляются ксенофобские и подобные настроения по отношению к мигрантам, людям иной национальной и этнической принадлежности. Так, один из информантов, приехавший уже более 10 лет назад в Екатеринбург рассказал, что в районе расположения рынка (который сам по себе является местом притяжения для мигрантов, местом их работы), местное население более негативно относится к мигрантам, чем жители центральных районов:

«С местными жителями как бы первые годы было какое-то как бы... на улицах ходишь... именно на Сортировке как-то по-другому смотрят на нас. Говорят: вы понаехали. А когда в центре выходишь, да, в городе там как-то по-другому все и люди относятся.

Интервьюер: *Терпимее?*

Респондент: *Да, более там... что-нибудь у них спрашиваешь – отвечают, а здесь у кого что ни спросишь...»* (представитель киргизской диаспоры, муж., 30 лет).

В целом, для бытовой сферы характерны асимметричные отношения. На одной стороне которых – местное население, в целом, уже смилившееся с нахождением на своей территории «чужих», несмотря даже на общее историческое прошлое. На другой стороне – иноэтнические и

инонациональные диаспоры, по разным причинам находящиеся на территории России, далеко не всегда стремящиеся раствориться в местном населении, однако старающиеся играть по предложенным правилам. Можно заключить, что напряженность в бытовых отношениях присутствует, однако ее можно назвать «опривыченной напряженностью», о ней мало вспоминают представители сторон взаимодействия.

УДК 316.334.52.

ББК 60.56

**ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ
КАК ИНДИКАТОР ДЕТЕРРИТОРИАЛИЗАЦИИ**

(по материалам социологических исследований)

Винокурова Декабрина Михайловна,

канд. социол. наук, доцент,

зав. Межкафедральной социологической лабораторией

Финансово-экономического института СВФУ им. М.К. Аммосова, г.

Якутск

E-mail: dorofdm1@yandex.ru

**TERRITORIAL MOBILITY AND IDENTITY AS
AN INDICATOR DETERRITORIALIZATION**

(Based on sociological research)

Vinokurova Dekabrina,

Candidate of Science, Head of Sociological laboratory,

Assistant professor of

North-Eastern Federal University, Yakutsk

АННОТАЦИЯ